

Дезинтегрированное общество не может быть восстановлено на прежних принципах, оно может быть только вновь создано. Основой воссозданного общества может стать принцип справедливости как роста возможностей для всех. Такая постановка вопроса подчиняет себе вопросы о собственности, свободе, религиозных и политических убеждениях и т.д. Новое общество, которое по необходимости будет глобальным, явится плодом грандиозного эксперимента как социального, так и политического, и технологического, иными словами — нового модернизаторского проекта управления судьбой.

2. Цивилизационная риторика: кому выгодно?

Возвышающий обман

«Жил-был прекрасный, умный и трудолюбивый русский народ. Добрый, героический и наивный. Разбил он Гитлера, мир спас, в космос первым прорвался, полумиру покровительствовал и уже на Марс экспедицию собирал. Но налетели, откуда ни возьмись, тучи всяких масонов, сионистов, уголовников, постмодернистов, “агентов влияния” и прочих, и поработили прекрасный народ хитростью да обманом, кознями и телевизионной ворожкой. Вот и стонет народ-богоносец и знаменосец под игом кучки жестоких насильников, дожидаясь зова патриотической трубы. Все такой же чистый и прекрасный...»¹. Это иронический пересказ позиции русских «патриотов» публицистом Максимом Калашниковым.

Жил-был не менее прекрасный, трудолюбивый, изобретательный американский народ. Он построил свободное, цивилизованное культурное и высокоморальное общество. Много сделал для привнесения благ цивилизации остальным народам. Разбил Гитлера, слетал на Луну, покровительствовал половине мира, создал Интернет и прочие чудеса техники. Но налетели откуда ни возьмись новые левые, деятели контркультуры, наркоторговцы, иммигранты, феминистки и прочие, и задурили головы честным американцам так, что стали они стыдиться своей исконной христианской культуры и цивилизации. Как и их европейские сородичи. Пока не поздно — спасай Америку! Это краткий пересказ книги П. Бьюкенена «Смерть Запада»². Можно видеть, что она оказалась созвучной настроениям многих наших соотечественников.

¹ Калашников М. Война с Големом. М.: АСТ, Астрель, 2006. С. 179.

² См.: Бьюкенен П. Смерть Запада. М.: АСТ, 2003.

Книга П. Бьюкенена выбрана здесь в качестве главного объекта критического анализа цивилизационного подхода не только вследствие ее литературных достоинств, но и потому, что она написана в той же цивилизационной парадигме, что и большинство книг наших патриотически и националистически настроенных авторов. Пересекается ряд мировоззренческих моментов, вплоть до полной идентичности. В то же время это взгляд если не с другого полюса миросистемы, то с гораздо более господствующей, чем российская, позиции. Это, помимо прочего, иллюстрация следующего факта: применение цивилизационной парадигмы нивелирует картину действительного положения разных стран в КМС, разница элегантно затушевывается культурной, патриотической и прочей риторикой идентичности.

Мы не случайно даем утрированное изложение позиций Бьюкенена и наших «патриотов»: Америка и Россия — одно и то же, рецепты — одни и те же. Книга Бьюкенена в какой-то мере написана не для американцев, а для нас и для европейцев. Это своеобразное приглашение в «клуб господ», с тем чтобы совместно напомнить прочему миру, кто еще остается в нем хозяином. Приглашение должно нам польстить — и на эту приманку легко пойматься. Но имеет ли смысл для России ловиться на такую приманку? Мы не господа умирающей миросистемы и никогда ими не станем. Мы — страна, которая не так давно хотела эту миросистему изменить и во многом способствовала осознанию другими народами ее несправедливости.

Книга Бьюкенена по прочтении оставляет чувство недоумения. В интеллектуальной традиции, длящейся от Данилевского¹ и Шпенглера² до Хантингтона³ и Бьюкенена, цивилизации рассматриваются как организмы, которые растут, живут и неизбежно умирают. И в этом никто не виноват — такова уж судьба цивилизаций и культур, таковы законы истории. Умирание, конечно, можно замедлить, «подморозив», в терминологии славянофила К. Леонтьева, ту или иную страну. Ведь процесс умирания, особенно если он происходит в полном сознании — болезненный процесс. Конец хочется отсрочить — и в этом, собственно, заключается желание Бьюкенена. На большее адепт цивилизационной парадигмы рассчитывать не может и не должен, если хочет остаться честным с самим собой.

Исходным пунктом любого цивилизационного анализа является возврат к идеальному обществу, которое в силу ряда причин отклонилось от естественных, заложенных в нем путей развития. Поэтому

¹ См.: *Данилевский Н.* Россия и Европа. СПб.: «Глаголь», 1995.

² См.: *Шпенглер О.* Закат Европы. М.: Эксмо, 2006.

³ См.: *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.

кризис западной, православной и любой иной цивилизации осмысливается как результат отхода от устоев. Любопытно, что цивилизационный подход в последнее время пытаются использовать в виде универсальной интеллектуальной отмычки и правые, и левые, и западники, и славянофилы. Так, российские коммунисты связывают кризис российской (советской) цивилизации не с чем иным, как с разлагающим влиянием западной цивилизации (неолиберальные рыночные реформы, атомизация общества, слом культурной матрицы и т.п.). В свою очередь такие радикальные американские консерваторы-традиционалисты, как Бьюкенен, считают агентами порчи американского общества именно марксистов. И все вместе с позиций цивилизационного подхода обосновывают свои аргументы против издержек пагубной глобализации.

Цивилизационный подход предполагает, что культуры-цивилизации уникальны и конечны. Отсюда исторический фатализм, предполагающий, что политики неспособны что-либо изменить в развитии цивилизации. Только навредить, отклонив ее от предзаданного ее культурным генокодом пути развития. Но рано или поздно все уникальные цивилизации освобождают место под солнцем для новых культур. Поэтому тем более непонятно моральное негодование цивилизационистов по поводу естественных и необратимых с их точки зрения процессов. В самом деле, было бы удивительно, если бы в ходе целенаправленной трансформации западной или православной цивилизаций они «омолодились», вернувшись к своим истокам. История не повторяется. Ни для отдельного человека, ни для цивилизации, ни для человечества в целом.

При этом адепты цивилизационного подхода давно поняли, что он эффективен в качестве апокалиптической «страшилки», мобилизующей общественное мнение в их пользу. Потому он столь актуален сегодня. При этом они склонны считать, что, если цивилизации очень хочется не умирать, всегда можно найти таблетку вечной жизни, правда, вступив в конфликт с собственными исходными аксиомами о тщетности поиска исторических отсрочек для любых цивилизаций, а тем более их возрождения, будь то Великая Америка или Великий СССР.

Рецепт сокрытия собственных противоречий достаточно прост. Например, Бьюкенен представляет ослабление Запада как нечто вроде инфекционной болезни, поразившей его культуру. А такие болезни излечимы, стоит только найти возбудителя. И поэтому мысль Бьюкенена следует по накатанному пути теории заговоров. Причину умирания Запада он находит в нечестивом заговоре приверженцев контркультуры и левых теоретиков, начиная с неомарксистов вроде Анто-

нио Грамши¹ и заканчивая такими меткими критиками общества потребления, как Герберт Маркузе². Это они своей многолетней деятельностью разложили базовые семейные и религиозные ценности европейцев и американцев, они совершили культурную революцию, которая лишила западные народы воли к жизни и воспроизводству, ввели политкорректность, которая обезоружила их перед ордами иммигрантов и т.д., и т.п. Российские державники и патриоты в той же логике рассуждают об агентах влияния в политической элите, о тлетворном воздействии западных ценностей (рыночная конкуренция как война всех против всех, расслоение на богатых и бедных, «нерусскость» элит, «антинародные» СМИ) на православно-советскую цивилизацию.

Эти в высшей степени эмоциональные обличения сегодня не могут не вызывать горькой улыбки и столь же горьких ассоциаций. Россия в XX в. в полной мере прочувствовала все прелести охоты на ведьм с помощью иррационального классового чутья, чей аналог в наши дни на Западе представлен чутьем цивилизационным.

Печально в начале XXI в. наблюдать ренессанс примитивного словесного психологизма, расширенного до глобальных масштабов и напоминающего самое начало Просвещения, когда просветители еще не составили своего универсалистского взгляда на историю (теорий эволюции и прогресса) и все несправедливости объявляли плодом глупости и заговора богатых против бедных. А их враги, ужаснувшись Французской революции, считали ее опять же следствием гнусного заговора просветителей и одураченной ими публики. В настоящее время история Просвещения как фарс повторяется на новом витке, а установленная им интеллектуальная и идейная структура современности вновь испытывается на прочность новыми реакционерами.

Впрочем, чего же еще ожидать от времени, которое отмечено крушением тех самых теорий эволюции и прогресса, левых и либеральных идеологий? В результате западная цивилизация, гибель которой предвидит Бьюкенен, элементарно утратила свою идеологическую надстройку, сохранив претензию на глобальное лидерство. Оказалось, что универсальные рецепты Просвещения без серьезной адаптации эффективны лишь в своем культурно-историческом ареале. А казалось бы, в полностью модернизированных обществах снова появились условия для популярности просветительской теории заговора.

Противники капиталистических революций XVII–XIX вв. далеко не всегда отдавали себе отчет в том, что монархический порядок, пре-

¹ См.: *Грамши А.* Тюремные тетради. В 3 ч. Ч. 1. М.: Политиздат, 1991.

² См.: *Маркузе Г.* Одномерный человек. М.: REFL-book, 1994.

пятствующий развитию капитализма, подрывал сам себя. Поэтому революция казалась им трагическим стечением обстоятельств, следствием успешного заговора врагов королевской власти, христианской церкви и древней традиции.

Контрреволюционеры XXI в., пытающиеся противостоять последствиям культурной революции, мыслят точно так же. Вот еще каких-то лет 40 назад был устойчивый культурный и идеологический порядок, и вдруг его уже нет. Его разрушили антисистемные силы, преимущественно заговорщики в союзе с разного рода обнаглевшими меньшинствами.

Но неужели на пустом месте возникли этот пресловутый заговор левых и контркультурщиков, позволяющие себе все больше вольностей меньшинства, отнимающая рабочие места иммиграция, дехристианизация, депопуляция и прочие казни египетские, которые губят теперь Запад? Не будет ли более разумным предположить, что та самая европейско-американская культура, которая, согласно Бьюкенену, сейчас умирает, породила не только многочисленные блага, но и весь этот клубок проблем — причем одно неотделимо от другого? И не является ли лицемерием считать блага экономической, политической и культурной системы Запада само собой разумеющимися, а подрывающие ее пороки — привнесенными извне заговорщиками?

*Смена интеллектуальной оптики:
кризис западной цивилизации
или трансформация миросистемы?*

Начнем с того, что активная культурно-экономическая трансформация и живописуемые Бьюкененом беды, явившиеся якобы ее следствием (дехристианизация, депопуляция, рост политического влияния эмигрантских, сексуальных и прочих меньшинств), начались в Америке вовсе не из-за того, что эмигранты-марксисты «распаковали» завезенную из Германии «левую идеологию».

Тем не менее продолжительный идейный кризис, начавшийся в конце 1960-х гг. левацкими студенческими восстаниями в Европе (хотя в отношении западных обществ уместнее говорить о «трансформации»), был именно идеологическим. Но чтобы понять это, мы должны рассмотреть ситуацию с помощью иных, нежели предлагаемые цивилизационным подходом, методов и средств. Далее в рамках критики цивилизационизма мы будем придерживаться позиций альтернативного ему миросистемного подхода.

Миросистемный подход рассматривает историю человечества как процесс роста и распада «исторических систем» — империй-эконо-

мик. Несмотря на то что в XIX–XX вв. капиталистическая миросистема впервые в человеческой истории включила в свою орбиту весь мир, сделав его взаимосвязанным экономически и политически, внутри миросистемы нарастали кризисные явления, следствием которых стал целый цикл экономических депрессий, мировых войн, распад социалистического блока стран и т.п. Базовый либеральный консенсус, традиционно критикуемый справа консерваторами, а слева социалистами, к концу XX в. перестал эффективно отвечать на вызовы времени, связанные с ростом экономических, экологических, социальных противоречий внутри капиталистической миросистемы. Многие в настоящее время, как отмечает В. Иноземцев, «говорят о кризисе ценностей, столкновении цивилизаций, отсутствии универсальных стандартов, растущей глобальной неуправляемости. Все это имеет место — однако данные проблемы *не столько возникают за пределами развитых стран, сколько являются проекцией на остальной мир тех тенденций, которые развиваются в самих этих странах*. Глобальное неравенство имеет в наши дни ту же природу, что и неравенство внутри «постиндустриальных» обществ — вся разница между ними заключена в масштабах, а они, в свою очередь, обусловлены тем, что внутри государств имеется развитая система перераспределения значимой части общественного достояния в пользу малоимущих классов, которая напрочь отсутствует в мире в целом»¹.

Либерализм не для всех

Либерализм являлся доминирующей идеологией миросистемы в XVIII–XX вв. потому, что на определенном этапе его стратегия оказалась исключительно успешной. Он сумел, с одной стороны, настоять на относительно постепенном характере прогресса и изменений общества, а с другой — предложил «опасным классам» эффективную программу социальной интеграции — программу социальных и политических реформ. Эта стратегия на долгие годы обеспечила устойчивость капитализма — и не в последнюю очередь потому, что она давала надежду интеграции для всех. И тем не менее данная стратегия никогда не была последовательной. Более того, ее реализация стала возможной именно в силу ее непоследовательности.

Либерализм исходил из необходимости предоставления равных прав и возможностей для всех, но не «здесь и сейчас», а «потом» и только для тех групп, которые будут «готовы» воспользоваться новы-

¹ Иноземцев В.Л. On modern inequality. Социобиологическая природа противоречий XXI века // Постчеловечество. М.: Алгоритм, 2007. С. 58.

ми правами. Требование постепенности изменений принуждало ставить барьер за барьером на пути осуществления всеобщего равенства. Исключенных — вначале в рамках западных обществ, затем в рамках капиталистической миросистемы в целом — всегда было больше, чем избранных. Представители «опасных классов», женщины, иммигранты, люди другой веры и т.д. — только постепенно уравнивались в правах с тем небольшим меньшинством, которое получило их изначально. Например, о правах неевропейских народов, без колониальной эксплуатации которых капиталистическая миросистема была бы невозможной, всерьез заговорили только после Первой мировой войны. Тем не менее эта интеграция все же осуществлялась с помощью различных идеологических инструментов, на одном из которых следует остановиться особо. Это национализм.

«Изобретенный» либерализмом, но позже взятый на вооружение и остальными идеологиями, национализм формально имел языческие корни: из большого числа этнических предков выбирался кто-то один (галлы, бритты, готы, славяне и т.д.) и к нему возводилась риторика относительно национальной общности. Варварские сообщества прошлого могли рассматриваться как предшественники современных наций, поскольку у них была «военная демократия» — правление вооруженных мужчин. С юридической точки зрения национальные государства XIX в. позиционировали себя как такое же правление вооруженных (военнообязанных) мужчин, которые в случае необходимости могли быть мобилизованы как в военном, так и в политическом смысле. Иммиграция, обусловленная формированием международного рынка труда, также вызывала всплеск националистических чувств, появление иммигрантов было символом разрушения традиционного образа жизни и развития капитализма.

Эффективный национализм капиталистической миросистемы предполагал введение в нациях-государствах трех институтов: всеобщего голосования на выборах, построения социального государства и создания системы национальной идентичности посредством всеобщего образования (массовая школа) и всеобщей воинской повинности (армия). Но по мере осуществления этих принципиальных мер, каждая из них столкнулась с противовесом, своего рода «проклятой стороной». Против всеобщего голосования, призванного выражать волю всех влиятельных социальных групп, нашлось противоядие в виде усовершенствованных элитами манипулятивных технологий. Социальное государство негативно повлияло на трудовую этику, оказавшись к тому же не тем «пирогом», от которого смогли бы откусить все социальные слои и даже целые регионы капиталистической миросистемы. Наконец, всеобщая воинская повинность постепенно

стала исчезать из практики западных стран, заменяясь контрактно-профессиональным принципом формирования армии, который, как показывает человеческая история, предвещает «последние времена» для исторических систем и государств, граждане которых отвыкают их защищать.

Христианская религия сыграла в становлении национализма также немалую роль, поскольку в течение столетий приобрела статус уважаемой традиции. Все народы Европы и американцы считали себя христианскими нациями, а свою культуру — однозначно христианской (хотя и не без уважения к языческим предкам). Они также считали себя единственно цивилизованными народами, имеющими право решать судьбы остальных — нецивилизованных. И когда в 1914 г. началась война, то европейцы пошли на нее «как граждане своих стран и защитники цивилизации»¹.

Вплоть до середины XX в. либерализм оставался доминирующей идеологией миросистемы, пока комплексные процессы повсеместного освобождения бывших колоний, возрастающий учет интересов эксплуатируемых классов, признание полноправия женщин и различных меньшинств не поставили эту идеологию под огонь разнообразной критики.

И вот когда все «исключенные» решились потребовать давно обещанных прав, и кое-чего добились в этом отношении, то оказалось, что последовательное осуществление либеральных постулатов попутно разрушает культурную основу Запада. И что этому разрушению Запад не может противопоставить ничего, кроме призывов к реставрации, вроде прозвучавшего в книге П. Бьюкенена. Но это утопический призыв. Актуальный кризис миросистемы как раз и заключается в том, что если у людей и народов действительно равные права, то неэгалитарность (неравенство) миросистемы нельзя сохранять. А если неравенство признать фактически, то капиталистическая миросистема объективно теряет легитимность в идеологическом отношении, хотя и сохраняет относительную стабильность в экономическом.

Проблема состояла в том, что, несмотря на всю декларируемую универсальность принципов либерализма, чем более глобализированной становилась капиталистическая миросистема, тем сильнее проявлялись фундаментальные асимметрии, касающиеся качества и продолжительности жизни, доходов и потребления, мировоззрения человечества в различных частях света. Усиленное расслоение миросистемы на центр (Западная Европа, США, Япония), полупериферию (социалистический лагерь) и периферию (Латинская Америка, Азия и Африка), или на пер-

¹ Хобсбаум Э. Век империи. 1875–1914. Ростов н/Д: Феникс, 1999. С. 242.

вый, второй и третий мир, со временем лишь подтверждало свой несчастный характер. В 1991 г. после распада социалистического блока, а затем и СССР появились скороспелые прогнозы о «конце истории»¹ и глобальном торжестве принципов либерализма. Однако область неопределенности и хаоса, конфликтов и террора, принципиальных разногласий мирового масштаба между центром и периферией, Севером и Югом лишь продолжала разрастаться.

На самом деле, как показали дальнейшие события, 1991 г. символически обозначил исторический предел капиталистической миросистемы, по достижении которого она вынуждена трансформироваться. Классический либеральный консенсус перестал устраивать страны за пределами центра миросистемы. Политика как спор великих идеологий (либерализм, консерватизм, социализм) в рамках либерального консенсуса постепенно уходит в прошлое. А попытки проанализировать ключевые мировые процессы сквозь призму привычных идеологических и политических концепций все более напоминают попытки по игре теней на стене описать реальные фигуры.

Язык политики как язык идеологий, бывший столь самоочевидным и понятным еще во времена биполярности и «холодной войны», все менее способен объяснять актуальную реальность. Поскольку в этой новой реальности такие привычные субъекты коллективного действия, как национальные государства, классы, социальные группы, стремительно растворяются. Кризис привычных идентичностей, попытки заново идентифицироваться с новыми эффективными группами, уже не идеологическими и гражданскими, но языковыми, этническими, религиозными являются прямым следствием дезинтеграции миросистемы. Место претендовавших на рациональность и научность идеологий стремительно заняли цивилизационные мифы. Но то, что приходит на смену, не всегда лучше того, что было раньше. Идеальный кризис, отражающий трансформацию миросистемы, приводит к общему регрессу общественности. Сложные идеологические концепции и парадигмы уступают место простому и очевидному: универсализм больших идеологий вытесняется риторикой идентичности, которая в ослабевших национальных государствах все больше базируется на вере, цвете кожи и этнических связях.

Таким образом, претензии либерального консенсуса на глобальность и универсальность потерпели крах как в его догматически Европейском, так и в альтернативном Советском варианте современности-модерна. Поэтому крушение социалистического блока в 1989–1991 гг. является не концом коммунизма и торжеством либеральной демокра-

¹ См.: Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2004.

тии, но началом глобальной трансформации актуальной миросистемы в целом. Эта трансформация будет происходить, вероятно, всю первую половину XXI в., пока мир не придет в новое равновесное положение, обрисовать которое сейчас практически невозможно. Естественно, что с точки зрения западных обществ, занимавших наиболее привилегированное и выгодное положение в капиталистической миросистеме, эта трансформация видится как кризис, способный ухудшить их положение в мире и понизить достигнутый ранее уровень жизни. Неудивительно, что консервативно настроенные элиты западных обществ хотели бы сохранить достигнутый уровень контроля над мировыми процессами, аргументируя происходящие в мире изменения действиями некоего собирательного «Доктора Зло», в которого входят и коммунисты-марксисты, и критики общества потребления, и экологи, и антиглобалисты, и мусульманский фундаментализм, и «мировая ось зла» в виде неподконтрольных Вашингтону государств типа Китая, Ирана, Кубы и Северной Кореи, и многие другие социально-политические силы, стремящиеся к изменению сложившегося «несправедливого» положения дел в нынешней миросистеме.

*Низкие истины:
«избирательная слепота» цивилизационистов*

Общественное сознание давно не нуждается в «гипотезе о Боге» и в публицистических морализациях цивилизационного толка, чтобы объяснить естественные демографические, экономические, социальные процессы, происходящие в различных обществах. Эти объяснения могут кому-то не нравиться, но их неприятие будет относиться не к самим фактам, а к оценкам этих фактов. Например, любому человеку неприятен факт собственного старения. Но как бы мы к нему ни относились, факта старения этим не отменить. Время вспять не течет. И любимый Бьюкененом послевоенный период 1945–1950-х гг., когда Европа и СССР лежали в руинах, а США, нажившись на Второй мировой войне, сосредоточили до 50% мирового экономического потенциала, возможно вернуть не с большей вероятностью, чем эпоху динозавров. Тот социальный негатив, на котором сосредоточен статистический материал современных охранителей и цивилизационистов, как правило, является лишь оборотной стороной медали, ценой, которую нужно платить за ведущее положение США и Европы в современной миросистеме. Игнорирование этого факта приводит к поиску воображаемых врагов, мешающих США вернуться в некое идеальное нормативное состояние, которое ассоциируется с образом жизни белых обеспеченных американцев середины XX в.

И этому образу жизни якобы все сильнее мешают мигранты. Странно было бы предполагать, что в глобальной мировой экономике, в основе которой лежит свобода передвижения капиталов и товаров, не будет столь же естественной для нее свободы передвижения рабочей силы. Закрытые границы прямо противоречат аксиомам капитализма. И пока в развивающихся странах численность населения растет быстрее, чем внутренний рынок труда, создавая избыточное демографическое давление и лишние рабочие руки, отток населения из них будет неизбежен. В таких условиях любые ограничения легальной миграции со стороны стран-реципиентов (предельные квоты, требования к уровню доходов и знанию языка и т.п.) будут с лихвой компенсированы потоками «нелегалов».

Миграция не была для нынешних развитых стран проблемой, когда они сами поставляли избытки собственного населения вовне. В настоящее время колониальная экспансия европейских стран в XVIII–XIX вв. бумерангом миграции возвращает свои плоды в бывшие метрополии, которые оказались к этому просто не готовы. Европа и США с каждым годом ужесточают миграционное законодательство. В частности, сенат США утвердил выделение средств на финансирование постройки сплошной стены протяженностью более 2 тыс. миль вдоль границы с Мексикой. Однако специалисты уверены, что популистское решение, требующее миллиардных затрат, никак не скажется на численности прибывающих в США «латиносов». В том числе по вполне легальным туристическим визам.

Одним из мифов, связанных с сокращением населения, является утверждение, что без мигрантов развитые страны не проживут. На самом деле развитые страны давно достигли оптимальной численности населения при нынешнем уровне развития производительных сил. Они могут обойтись без иммигрантов. Вместе с тем в Европе с ее высокой безработицей доля мигрантов примерно равна доле собственных безработных граждан. Аналогичная ситуация и в России. Проблема в том, что мигранты, как правило, занимают самые непривлекательные и низкооплачиваемые ниши на рынке труда, выполняя работы, от которых часто отказываются собственные граждане. Миграционная зависимость проявляется именно в том, что самые непривлекательные сектора экономики развитых стран обслуживаются в своей массе негражданами этих стран. И пока условия и возможности в богатых и бедных странах диаметрально различны, никакие ограничения не остановят людей, стремящихся к более достойной жизни. Если рынок труда имеет ниши для мигрантов, их ничто не остановит.

В дешевом труде заинтересованы прежде всего владельцы средств производства в стране-реципиенте миграции. А люди имеют естест-

венное право свободно передвигаться по миру в поисках работы, которой нет. Отнять это право на свободу передвижения и выбора места работы значит фактически признать неравенство людей, существующее в капиталистической миросистеме. Что, в свою очередь, делегитимирует лежащий в ее основе «либеральный консенсус», предполагающий всеобщее равенство людей в базовых «правах человека», вне зависимости от гражданства, места проживания, расы, социального положения.

Стоит ли нынешней России присоединяться к подобной политической риторике? Ведь не принадлежа к центру капиталистической миросистемы, Россия заинтересована в ее более справедливом переустройстве. Цивилизационисты уделяют много места моральному негодованию по поводу депопуляции Запада, негативному влиянию на США, Россию и Европу иммиграции и различных меньшинств. То, что традиционалистам представляется кризисом или социальной болезнью, на самом деле является лишь малой частью более фундаментальных и естественных процессов в рамках капиталистической миросистемы, которые на самом деле в долгосрочной перспективе выгодны американскому обществу в целом как части глобального человечества.

Рассмотрим эти процессы подробнее.

1. Демографический взрыв в странах третьего мира, якобы ведущий к росту миграции и перерождению западной цивилизации, — это лишь временное явление. Статистика показывает, что демографический рост идет на убыль там, где растет уровень образования, доходов, медицины, урбанизации¹. И наоборот, общий рост благосостояния общества и благополучия людей в различных регионах современного мира не в последнюю очередь обусловлен стабилизацией численности населения, когда прирост населения не «съедает» с лихвой весь прибавочный продукт на душу населения, полученный той или иной национальной экономикой в результате ее роста.

Во второй половине 1930-х гг. антрополог К. Леви-Стросс пронизательно писал по поводу хронически перенаселенной Индии: «...Если общество становится слишком многочисленным, то каких бы гениальных мыслителей оно ни порождало, оно может существовать только тогда, когда создает неравенство. Когда людям становится слишком тесно в географическом, социальном и духовном пространстве, возникает опасность поддаться искушению простого решения, которое состоит в том, чтобы лишить часть этого общества права называться

¹ См.: Todd Э. После империи. Pax Americana — начало конца. М.: Международные отношения, 2004. С. 37–49.

людьми... С этой точки зрения, те события, театром которых стала Европа последнего двадцатилетия [1910–1930 гг. — Первая мировая война, революция в России, нацизм, фашизм. — *Авт.*], завершающего эпоху удвоения населения, уже не могут казаться мне результатом заблуждения одного народа, одной доктрины или группы людей... Систематическое обесценивание человека человеком распространяется все больше; лицемерно и безрассудно пытаться уйти от проблемы с помощью отговорки, что это временная болезнь»¹.

Таблица 1

Историческая динамика численности человечества²

Год	Численность человечества
5 тыс. лет до н.э.	4 млн
0 н.э.	170 млн
500 г. н.э.	190 млн
1000 г. н.э.	265 млн
1500 г. н.э.	425 млн
1800 г. н.э.	905 млн
1900 г. н.э.	1630 млн
2000 г. н.э.	6000 млн
2050 г. н.э. (медианный прогноз)	9000 млн

В настоящее время демографический переход к современности-капитализму в большинстве регионов мира завершен, либо близится к концу. Но в одних странах «капиталистический» демографический переход к «низкой рождаемости и высокой продолжительности жизни» уже произошел, в то время как другие только начинают преодолевать период второй демографической революции. Поэтому постиндустриальный мир и слаборазвитые страны находятся в состоянии *демографической неодновременности*, представляя собой разные исторические реальности. Таким образом, некорректно сравнивать развитые страны, уже пережившие свой демографический взрыв, обусловленный переходом от традиционно-аграрного к городскому (индустриальному) образу жизни с всеобщим образованием, современным здравоохранением, высокими среднедушевыми доходами, со странами, которые находятся лишь на пороге современности.

¹ *Леви-Стросс К.* Печальные тропики. М.: АСТ; Инициатива, 1999. С. 192.

² См.: <http://modernproblems.org.ru/capital/instinct/10.htm>.

Европа пережила свой демографический взрыв в XIX — начале XX в. Развивающиеся страны Азии, Африки, Латинской Америки и Среднего Востока переживали его во второй половине XX в., вплоть до настоящего времени. Всплеск рождаемости в них объясняется наложением достижений современной медицины на модель воспроизводства традиционного аграрного общества. Но рост среднедушевых доходов, всеобщий охват населения образованием и медициной, глобальное сокращение доли сельского населения неизбежно ведут к стабилизации рождаемости на более низком уровне. Это правило справедливо и для Европы, и для Японии, и для Кореи, и для ОАЭ, и для стран Африки¹.

Третий мир просто повторяет историко-демографический путь Запада, издержками которого были, в частности, Наполеоновские войны и две мировые войны. Сейчас это происходит в форме многочисленных военных конфликтов на мировой периферии в ряде стран Азии, на Среднем Востоке и в Африке, где ценность человеческой жизни еще не столь велика, как в нынешней Европе. Но то, что иммигранты едут именно в страны Запада — лишь следствие закономерностей функционирования миросистемы, подразумевающих свободное циркулирование рабочей силы и капиталов. Чем меньше будет разрыв в доходах и уровнях оплаты труда в странах Запада и в остальном мире, тем менее они будут интересны для иммигрантов, которые едут туда не для «хорошей жизни», но по большей части от «плохой».

Нынешние развивающиеся страны совершают демографический переход в более короткие сроки, чем Европа, которой для этого потребовалось больше века. По подсчетам специалистов, «1967 год стал рекордным по темпам роста населения и в мире в целом — 2,1% в год. А начиная с 1971 г. они стали постепенно снижаться, достигнув к 1997 г. 1,6%. Последнее десятилетие XX в. оказалось в демографическом плане переломным. Начался процесс *демографического перехода*, когда популяционная стратегия “снижение смертности, темпов рождаемости и темпов прироста населения”, которая возобладала в развитых странах еще в XIX в., постепенно становится доминирующей во всем мире»². По прогнозам, темпы прироста мирового населения сократятся в 2010 г. до 1,11%, а в 2030 г. до 0,77%³. Таким образом, исторический пик темпов глобального демографического прироста человечества в результате перехода к современности-капитализму можно

¹ См.: *Мартынов В.С.* Политизированная демография, или Сколько населения нужно России // *Россия и современный мир.* 2008. № 1 (58). С. 26–45.

² *Данилов-Данильян В.И., Лосев К.С., Рейф И.Е.* Критическая перенаселенность России // *Перед главным вызовом цивилизации. Взгляд из России.* М.: ИНФРА-М, 2005. С. 35.

³ См.: *Фет А.И.* Инстинкт и социальное поведение. С. 193.

считать пройденным. Поддержать прежний темп роста без появления принципиально новых технологий и ресурсов невозможно, так как различные технологические, экологические и сельскохозяйственные факторы явили свои пределы эксплуатации.

Например, если в 1950–1955 гг. в мире на одну женщину в среднем приходилось 5 детей, то в 1995–2000 гг. эта цифра сократилась до 2,8 детей. За последние 50 лет в Китае среднее число детей на одну женщину сократилось с 6,2 до 1,8; в Индии — с 6,0 до 3,3¹. Причем, по подсчетам экономистов, в сокращение бедности современного Китая гораздо больший вклад внесло жесткое ограничение рождаемости, нежели экономический рост². Указывая на китайское лидерство в темпах роста экономики, не следует забывать, что в Китае нет системы пенсионного обеспечения по возрасту, всеобщего здравоохранения и даже обязательного среднего образования. Поэтому китайская экономика и государство не обременены теми социальными обязательствами, которые осуществляются в России, США и Европе³.

Более того, по прогнозам отечественных экономистов, завершение мирового демографического перехода и технологическая модернизация развивающихся экономик обусловят в ближайшие 15–20 лет три положительные тенденции⁴. Во-первых, ускорение темпов роста мировой экономики в 2011–2020 гг., вместо имевшихся 1,3% в год 1980-е и 1,6% в год в 1990-е гг. В результате мировой ВВП к 2020 г. может фактически удвоиться по сравнению с ВВП 2007 г., достигнув величины 117 трлн долларов. Во-вторых, ускорение экономического роста на фоне снижения темпов прироста населения приведет к значительному росту ВВП на душу населения в мире. К 2020 г., по реалистическому прогнозу, до половины населения Земли сможет жить в государствах, где среднедушевой ВВП составит более 10 тыс. долларов в год. В-третьих, неуклонно и повсеместно будет расти ценность *каждой отдельной* человеческой жизни, обладателя которой уже не так легко можно будет уговорить рисковать ею во имя чьих-то сомнительных и неуниверсальных интересов, будь то военные хунты, наркокартели, террористы, экстремисты, межэтнические противостояния и т.п.

Особого внимания заслуживает изменение плотности населения в различных частях мира. Согласно положениям структурно-демографи-

¹ См.: Вишневецкий А. Демографическое будущее России // Отечественные записки. 2004. № 4. С. 11.

² См.: Иноземцев В.Л. Маленькие страны в большой политике // Свободная мысль. 2006. № 6. С. 89.

³ См.: Томчин Г. Почему Россия — не Китай // <http://www.tomchin.ru/society/analytic/5758.html>.

⁴ См.: Мировая экономика: прогноз до 2020 года. М.: Магистр, 2007. С. 66–74.

ческой теории Дж. Голдстоуна¹, демографические циклы, связанные с изменением плотности населения, могут оказывать детерминирующее влияние на динамику социальных отношений, вплоть до предпочтения обществом той или иной формы правления. Например, перенаселенность провоцирует автократию и жесткое регулирование распределения дефицитных ресурсов, а свободный доступ населения к избыточным для него ресурсам, прежде всего к земле, — демократические формы самоуправления общества. Достижение же экстремально высокой плотности населения для конкретного исторического и технологического уровня развития общества чревато социальными катастрофами и революциями. В природе любая популяция, вышедшая на пределы экологической ниши, приводится к оптимальному уровню через «сжатие», то есть катастрофическое сокращение ее численности. Отчасти данная аналогия уместна и для человеческих популяций, исчерпавших ресурсы своего развития на данном технологическом, экономическом и социальном уровне.

Таблица 2

Плотность населения в мире в 2006 г.²

Регион	Плотность населения (чел. на км ²)
Мир в целом	49
Развитые страны	24
Развивающиеся страны	64
В том числе:	
Азия	125
Африка	30
Северная Америка	17
Южная Америка	21
Европа (включая Россию)	32
Россия	8
Страны с высокой плотностью населения:	
Гонконг (Китай)	6544
Тайвань	630
Нидерланды	402
Индия	341
Япония	338
Великобритания	247
Китай	137

¹ См.: Goldstone J. Revolution and rebellion in the early Modern World. Berkeley: University of California press, 1991.

² См.: <http://demoscope.ru/weekly/ias/ias05.php?tim=0&cou=0&terr=290&ind=61&Submit=OK>.

Правда такого рода политико-демографическая логика ограничена условиями аграрных обществ и оказывается неприемлемой в условиях постиндустриальности. Ибо здесь производимый конкретным обществом полезный продукт все менее связан с земельными ресурсами и все более — с технологиями, интеллектом, изобретениями, которые с лихвой могут быть обменены на дефицитные продовольственные ресурсы, производимые в других частях света. Поэтому перенаселенные, но высокотехнологичные сегменты современной миросистемы вовсе не обязательно демонстрируют повышенный уровень социальной агрессии, склонности к рукотворным катаклизмам, как показывает опыт Японии, Тайваня, Гонконга или Нидерландов и Великобритании.

Более того, некорректно сравнивать развитые страны, пережившие переход от традиционно-аграрного к городскому (индустриальному) образу жизни (с всеобщим образованием, современным здравоохранением, высокими среднедушевыми доходами и индексами человеческого развития) со странами, которые находятся лишь на пороге современности. Это аналогично сравнению той же патриархально-аграрной Франции 1800 г., где на семью в среднем приходилось 7 детей (кстати, результатом подобного демографического давления во многом стали Французская революция и Наполеоновские войны), и Франции 2007 г. с 1,9 ребенка на среднестатистическую семью. Это разные исторические реальности. Большая семья имела смысл в условиях крестьянских обществ. Лишний ребенок — лишний работник. В нищих странах третьего мира еще один ребенок — это еще один шанс, что хоть кто-то выберется из нищеты и обеспечит все семейство. Это разумная экономическая стратегия. Много детей потому, что качество жизни низкое. В городской культуре раннего индустриального общества резкий рост населения объясняется тем, что в силу возросшего качества жизни (в том числе медицинского обслуживания) большинство детей выживает. Очевидно, что подъем уровня жизни, образования и здравоохранения ведет к снижению рождаемости и вне ареала «западной цивилизации».

Но авторы типа Бьюкенена в полемических целях сравнивают несравнимое: страны с аграрным и постиндустриальным жизненными укладами. При этом вместо помощи в переходе остального мира к современности Запад всеми силами стремится сохранить исторический разрыв существующих в настоящее время предсовременных и постиндустриальных обществ.

2. Давно уже замечено (и одной из первых эту мысль обосновала Р. Люксембург¹), что капитализм живет за счет эксплуатации некапи-

¹ См.: Люксембург Р. Накопление капитала. В 2 т. М.-Л.: Соцэкгиз, 1934. Т. 1. С. 228–258.

талистического окружения. Капитализм, а шире — индустриальная цивилизация постоянно разрушает почву, из которой она выросла в результате присущего ей асимметричного обмена. Многочисленное и трудолюбивое крестьянство, традиционная культура, средневековая этика, полезные ископаемые, природная среда и т.д. — это всё невозполнимые «ресурсы», из которых капитализм строит свою цивилизацию. Когда, например, дешевые источники рабочей силы исчерпались в Европе — пришла очередь привлечения иммигрантов. Ведь только вчерашний крестьянин станет дисциплинированно заниматься скучным и тяжелым трудом на фабрике или убирать мусор на улицах, или мыть посуду в ресторане. Сами европейцы, американцы и русские этого делать больше не хотят. И это закономерно. Не позволяет возросший уровень притязаний, характерный для «общества потребления».

При этом цивилиционисты выступают за возведение барьеров для иммигрантов в получении тех социально-политических прав, которые имеют коренные граждане. И тем самым фактически оправдывают справедливость деления на граждан и «неграждан». Закрываются глаза и на выгоды использования дешевого труда нелегалов-иммигрантов крупными ТНК. Традиционалисты и консерваторы, апеллируя, с одной стороны, к христианским ценностям, свободному рынку и свободе движения капиталов как к политической иконе, с другой — отказывают в столь же естественной мобильности и свободе перемещения трудовых ресурсов. Возмущаясь тем, что женщины начинают конкурировать на рынке труда с мужчинами, перестав быть хранительницами семьи и домашнего очага, они в то же время не готовы перераспределить доходы в пользу бедных, что позволило бы женщинам не работать.

Капитализму дешевле содержать лишних людей в социальном, иммигрантском, этническом гетто на пособия, чем дать им реальные возможности пройти (пере-) обучение и найти работу. Новое рабочее место стоит дороже минимального пособия. Но при этом ограниченная логика чистой прибыли не берет в расчет комплекс сопутствующих социальных проблем, связанных с воспроизводством безработицы. Проблемы асоциальности трактуются консерваторами в отрыве от множества порождающих ее причин, и прежде всего бездействия государства в отношении тех, кто разучился встраиваться в социальную систему, оказался асоциальным в результате политики успокоения обездоленных минимальной ценой, вместо их реальной реинтеграции в общество.

Наконец, технологический прогресс неизбежно ведет к изменению структуры занятости, прежде всего к сокращению классического рабочего класса, уже не являющегося численно доминирующей груп-

пой населения в развитых странах. Исторически большинство населения Земли занималось сельскохозяйственным трудом. Сейчас в развитых странах аграрии составляют не более 2–3% населения. Параллельно во всем мире идет процесс «сжатия» численности рабочего класса¹. Современная экономика *количественно* все менее базируется на сельском хозяйстве и промышленности, где наблюдается устойчивое сокращение занятости. В отличие от расширяющегося сектора услуг и инновационных технологий. Но и здесь массовая занятость не требуется, так как изобретения и технологии являются результатом деятельности ученых-одиночек и малых трудовых коллективов, где полученный результат лишь копируется в промышленных масштабах, в неограниченном числе копий.

Таким образом, глобальная трансформация индустриальной современности, базирующейся на ценностях прогресса и *сакрализации труда*, влечет серьезные изменения в социальной структуре обществ и их идеологических представлениях о себе. В обществе потребления прогресс начинает зависеть от конструирования все новых целей и потребностей, под которые создаются новые отрасли экономики. Например, в развитых странах новыми целями и потребностями является все то, что относится к экологической сфере (чистый воздух, вода, не измененные генетически и не вскормленные химическими удобрениями продукты и т.п.). Ради новых ценностей и целей люди готовы повысить свои потребности и стандарты жизни, а значит и мотивацию к труду.

3. По логике цивилизационистов в современных западных обществах благодаря гарантиям высоких пенсий для стариков, разрушению традиционных семейных ценностей (почему-то отождествляемых Бьюкененом с христианскими), контрацепции, разделяющей функции секса и процесса зачатия, отпадает сама потребность людей в деторождении. Но почему тогда люди западной цивилизации, где победили антихристианские гедонистические ценности, вопреки этой логике удовольствия и жизни для себя вообще работают и рожают? Более того, в США сегодня рождаемость достаточна для сохра-

¹ Развитие креативных технологий, сферы услуг и образования часто является *вынужденной* стратегией развитых обществ, следствием не органической постиндустриализации, а вынужденной реиндустриализации и рекапитализации «информационного общества» без «рабочего класса», вследствие неконкурентоспособности в секторе реального производства. Однако лишь немногие экономики центра миросистемы способны на подобную модернизацию, на переход из реального в «виртуальные сектора», связанный с необходимостью привлечь на свое развитие с помощью ТНК или прямой господдержки рекордные инвестиции. Что обеспечит в дальнейшем глобальную монополию или олигополию этих секторов национальных экономик и соответственно высокие нормы прибыли, поддерживающие уже достигнутый уровень жизни.

нения достигнутой численности населения, составляя 2,04 ребенка на семью¹. Что действительно определяет демографию, так это уровень образования, здравоохранения и доходов. Бьюкенен приводит эффективный, с его точки зрения, пример, согласно которому единственной европейской страной, где рождаемость позволяет воспроизводить достигнутой численность населения, является маленькая мусульманская Албания, с невысокой рождаемостью 2,3 ребенка на одну женщину. Но Бьюкенен «забывает» напомнить, что Албания одновременно является и самой бедной европейской страной с наименьшими среднедушевыми доходами, занимающая 102-е место из 136 стран мира, где ведется подобная статистика. (Россия в этом списке занимает 66-е место².)

Цивилизационисты также не учитывают, что обеспеченным слоям населения заводить детей не позволяет элементарная нехватка времени на заботу о них. Это не значит, что современный человек работает больше, чем средневековый крестьянин. Это значит, что занятия его таковы, что ребенок не может постоянно наблюдать за отцом или матерью, брать с них пример, овладевать как профессиональными, так и социальными навыками и т.д. Это результат разорванности жизни на дом и работу. Увеличился и период самого взросления, то есть социализации человека в обществе. Но преодолеть депопуляцию не получится путем возврата к старым обычаям. Нужен новый, менее фрагментированный образ жизни, основанный, возможно, на принципиально новых технологиях и социальных отношениях. Тогда родятся новые дети, но это не значит, что они займутся работой, которую сегодня делают иммигранты. Или Бьюкенен и Хантингтон, Дугин и Панарин, как и прочие традиционалисты, наивно на это рассчитывают?

4. Многие отечественные и западные цивилизационисты, призывают к культурной реставрации, что означает для них в первую очередь реставрацию религиозную — массовое возвращение к христианским ценностям, которые суть ценности аграрного, традиционного общества. Это желание не ново и не удивительно: материально-технический прогресс капитализма во многом сопровождался негативным регрессом общественной морали, долгое время (почти до XVIII в.) не позволявшей жестокой и «вне-моральной» капиталистической логике стать доминирующей в обществе.

И христианские традиционалисты наполовину правы — религиозная реставрация сейчас возможна и действительно происходит.

¹ См.: Народонаселение мира в 2007 году. Использование потенциала урбанизации. С. 105 // www.unfpa.org.

² См.: Географический справочник ЦРУ. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. С. 677–678.

Но это — реставрация традиционных ценностей, осуществляющаяся в европейских и американском обществе *под эгидой ислама*. Ислам постепенно занимает пустующую идеологическую нишу, покидаемую христианством и либерализмом — и занимает ее в ответ на непоследовательность того и другого. Ислам все больше принимают коренные европейцы — во Франции таковых насчитывается по разным оценкам от 50 до 300 тыс. «Русские принимают ислам в таком количестве, — пишут Ю.Н. Голубчиков и Р.А. Мнацаканян, — что православная церковь бьет тревогу, а Союз православных граждан призывает к бойкоту бывших единоверцев, избравших религию Аллаха»¹. В экспертном докладе Национального совета по разведке США «Глобальные тренды-2025», предполагается, что население России сократится к 2025 г. с 141 до 131 млн человек, а доля мусульман в России возрастет с 14% в 2005 г. до 19% в 2025 г. и до 23% в 2050 г.²

Ислам дает идейную поддержку и миллионам черных американцев. В глобальном же масштабе он не без успеха пытается выступать альтернативой несправедливому и не равному для всех порядку в разлагающейся капиталистической миросистеме, поскольку отрицает национальные различия, выступает за сглаживание имущественного неравенства и солидарный социальный порядок. И таким призывам ислама «униженные и оскорбленные» начинают верить больше, чем аналогичным призывам христианских церквей. Христианство оказалось слишком тесно связанным с либеральным консенсусом. Будучи проводником, либо просто не противясь воле правящих элит, христианство как церковный институт изрядно дискредитировало себя, в конечном счете всегда санкционируя капиталистический миропорядок, разрушающий традиционную христианскую мораль. Веками оно провозглашало равенство всех людей перед Богом, но в действительности было основанием культуры как раз той цивилизации, которая подчиняла себе весь мир, не слишком заботясь о равенстве прогрессоров и варваров. Ислам на этом фоне часто выглядит как эгалитаристская и одновременно традиционалистская альтернатива христианской религии, как религия, способная выполнить не сдержанные христианством и либерализмом обещания. Хотя, конечно, обольщаться насчет ислама, с учетом практики его радикальных и экстремистско-террористических течений вряд ли стоит.

5. Вопреки гневным филиппикам Бьюкенена в адрес критиков капитализма, марксистов и СССР, они не только не расшатывали капи-

¹ Голубчиков Ю.Н., Мнацаканян Р.А. Исламизация России. М.: Вече, 2005. С. 388.

² См.: Доклад Национального совета по разведке США «Глобальные тренды-2025» // www.dni.gov/nic/NIC_2025_project.html.

талистическую миросистему, но, наоборот, исторически во многом ее стабилизировали. Именно разочарование в марксизме и исторический крах СССР привели к всеобщему скепсису относительно традиционных левых движений, являвшихся политическими выразителями интересов «опасных классов». Это, в свою очередь, привело к нынешней глобальной неустойчивости миросистемы. Роль ключевого внутренне-го стабилизатора, инициировавшего контролируемые изменения, которые укрепляли, а вовсе не разрушали капиталистическую систему (как полагали крайние левые), после крушения СССР выполнять стало некому. Исторически именно социалисты и коммунисты наиболее активно побуждали капитализм к совершенствованию, поддерживали веру в прогресс и лучшую участь будущих поколений, веру в иное будущее, нежели несправедливое настоящее. Отсюда проистекал исторический оптимизм периферийных стран и классов, обделенных выгодами в рамках миросистемы капитализма. Но вместе с распадом социалистического блока рухнули надежды мирового левого движения и мировой периферии на неизбежность движения к более эгалитарному и справедливо устроенному миру. К тому альтернативному будущему, надеждой и реальной силой которого, заставлявшей капиталистическую миросистему меняться в лучшую сторону, был СССР.

Таким образом, мировой кризис левых идей и национально-освободительных движений являет собой нечто прямо противоположное той воображаемой победе в рамках мирового «заговора» над исконными ценностями западной цивилизацией, которую им приписывают цивилизаторы типа Бьюкенена. Более того, в США, в отличие от Европы и России, вообще никогда не было организованного левого движения. Исторически это связано с тем, что США сразу возникли как капиталистическая страна, не нуждавшаяся в сломе старого порядка монархии путем буржуазной революции. По меткому замечанию Ж. Бодрийяра, современная Америка возникла из микромодели протестантской секты XVII–XVIII вв., законсервировавшейся затем в масштабах целой страны¹.

По словам американского политолога В. Чиббера, наиболее левая из реальных политических сил в США — Демократическая партия в реальности занимает более консервативные позиции, нежели даже Консервативная партия в Великобритании². «Вопрос, который Вернер Зомбарт сформулировал в начале первого десятилетия XX в. — «Почему в Соединенных Штатах отсутствует социалистическое движе-

¹ См.: *Бодрийяр Ж.* Америка. СПб.: Владимир Даль, 2000. С. 167–169.

² См.: *Экономический национализм (Интервью с В. Чиббером) // Политический журнал.* № 22–23 (118–119) от 26.06.2006. С. 41.

ние?» — демонстрирует в этом отношении принципиальную разницу между Европой и США¹. Не только различные институциональные сферы проявляют свою относительную независимость, но даже вариации их сцепления между собой чрезвычайно разнообразны среди модернизирующихся обществ и, еще более определенно, в различные периоды их развития. В профсоюзах, которые считаются традиционным оплотом левых сил, в США состоит менее 10% работающего населения. Политического влияния здесь профсоюзы в отличие от Европы никогда не имели, будучи полностью вписаны в сложившийся политический порядок США, и не были в силах предложить какой-либо альтернативы статус-кво. Поскольку этот порядок не устраивает значительную часть населения, не имеющего политических представителей, которые выразили бы это недовольство — социальный протест уходит внутрь, оборачиваясь ксенофобией, алкоголизмом, шовинизмом, ростом бытовой преступности и т.п. С помощью цивилизационной риторики этот протест можно направить против козлов отпущения в лице «чужаков-иммигрантов», марксистов, меньшинств. Но это не имеет никакого отношения к настоящим причинам происходящих в западных обществах трансформационных процессов.

*Смутное будущее: апокалипсис
или трансформация миросистемы?*

Итак, актуальная популярность цивилизационизма во многом объясняется реакцией общественной мысли на крах миросистемы, основанной на принципах либерального консенсуса. В рамках этого консенсуса предполагалось глобальное постепенное построение эгалитарной общественной системы. В реальности разрыв между богатыми и бедными, Севером и Югом во второй половине XX в. продолжал увеличиваться. Мировая периферия перестала питать иллюзии относительно концепций, сулящих возможность догнать Запад, будь то с помощью шоковых реформ, неолиберальной модернизации или культурной вестернизации. Оказалось, что Ахилл никогда не догонит черепаху. Рост неравенства в миросистеме и внутри отдельных стран привел к выводу о необходимости отказаться от либерального консенсуса, который не дал ожидаемых результатов в виде равенства, социального государства, права на достойный труд, образование и здравоохранение большинству человечества. Осознание распада устойчивой миросистемы 1789–1989 гг. привело к необходимости поиска альтернативных проек-

¹ Эйзенштадт Ш., Шлюхтер В. Пути к различным вариантам ранней современности: сравнительный обзор // Прогнозис. 2007. № 2 (10). С. 214.

тов вместо миросистемы, основанной на либеральном консенсусе с двойным дном. Однако в настоящее время — помимо впечатляющей критики — целостной альтернативы капиталистической миросистеме и либеральному консенсусу нет. Один из простых, но по сути дела типовых путей преодоления сложившейся ситуации предлагает взгляд на современный мир сквозь призму цивилизационизма. Причем этот простой путь приобрел сторонников как среди бывших цивилизаторов, так и среди тех, кто весь XX в. стремился избавиться от глобальной опеки Запада. Наступательное цивилизаторство превратилось в оборонительную цивилизованность. Но в любом случае этот путь априорно закрывает путь к новой глобальной универсальности, универсальности, которой все еще обладает либеральная капиталистическая миросистема.

Безусловно, господствующие слои западных обществ, которые получают наибольшие выгоды в миросистеме, основанной на либеральном консенсусе, озабочены тем, что эта система все хуже справляется с ростом внутренних противоречий и неравенств. Критики все эффективнее пытаются пересматривать ее идейные основы. Мировое влияние Запада плавно ослабевает относительно новых регионов геополитического роста. Все это обуславливает неизбежную трансформацию миросистемы. Крах левых обозначил и тот факт, что капиталистическая миросистема уже не способна к управляемым социальным изменениям, имеющим целью снижение остроты внутренних противоречий. С другой стороны, отсутствие каких-либо способов влияния на миросистему со стороны недовольных групп, классов, обществ ведет к утрате былых иллюзий и прежней готовности терпеть несправедливое настоящее ради лучшего будущего.

Кризис глобального либерального консенсуса капиталистической миросистемы сопровождается измельчением, мультипликацией и радикализацией всех общественных конфликтов. В том числе в результате постоянно растущих притязаний эксплуатируемых в ответ на малейшие признаки реальной или воображаемой эксплуатации. Как и в результате все меньшего желания эксплуататоров делиться дальше. А распадающиеся нации уже не в силах поддерживать веру в необходимость достаточно авторитарного и сильного государства, способного сохранить общее благо и логику долгосрочных интересов всего общества от посягательств частных групп интересов.

Гиперактивное гражданское общество, трактуемое многими адептами либерализма как безусловное благо, подавляет автономию государства, поскольку любое противодействие каким-либо группам тут же оценивается как проявление тоталитаризма и расизма. Затем совокупность неконтролируемых групп разваливает закон и нацию,

и в конечном итоге гражданское общество съедает само себя, поскольку никто не хочет уступать во имя целого и всеобщего, а государство утрачивает способность выполнять функцию строгого арбитра.

Перестают работать такие формы борьбы за изменение общих правил, как классические партии и идеологии. В условиях ослабления национальных государств активизирующиеся меньшинства могут бороться лишь за изменение своего положения внутри общества, не будучи способными изменить общество в целом. Неразрешимый конфликт групповых интересов, когда потеряны механизмы его вывода на государственно-политический уровень, наносит удар по вере в государство, способное руководствоваться всеобщими интересами. Стремление групп к уникальности, а не к универсальности закрывает возможность диалога между ними. Здесь интеллектуалам-конформистам остается лишь следовать модели конфликта классов, этносов, религий или цивилизаций. Подобные бинарные схемы удобны для вычленения врагов тех или иных групповых интересов, которые часто путают с государственными, но они тупиковые с точки зрения способности интегрировать распадающиеся нации-государства.

*Уроки для России: Не Запад.
Не Восток. Не Евразия*

Руководствуясь цивилизационным подходом, Россия оказывается в арьергарде современной политической мысли Запада, в одной компании с маргинальными политическими течениями, такими как пещерный неоконсерватизм рейгановского периода, традиционализм и обанкротившийся на практике многих периферийных стран (Чили, Аргентина, Восточная Европа, Россия) неолиберализм. Нынешние идеологи этих течений весьма далеки от того, чтобы реально влиять на национальную и международную политику своих стран, относимых к западной цивилизации.

Между тем России в международных отношениях исторически присущи эгалитаризм и универсализм, готовность к диалогу с любыми странами на основе всеобщих и равных норм, которые могут стать глобальными. Именно таким образом в XX в. России удалось сплотить интересы половины мира, обладая несопоставимо меньшими экономическими ресурсами влияния, чем Запад.

Искусственно возвращаемые и часто воображаемые цивилизационные ограничения создают дурную политическую оптику, с ложной перспективой. Подобный обскурантизм связывает руки, лишает вяжного представления о собственных национальных интересах России, неадекватной реакцией на которые и является цивилизацио-

низм. Ключевые задачи, стоящие перед Россией, и способы их решения совсем другие, нежели те опасности в виде миграции, «куриного гриппа», международного терроризма, которые раздуваются в информационной сети СМИ. Они несопоставимы с действительно важными проблемами перехода российского общества от абстрактной свободы к конкретным принципам справедливости.

Поскольку этот переход направлен против статус-кво правящих элит, для которых лучше, чем есть, быть уже не может, они используют отвлекающую цивилизационную риторику, согласно которой источники несчастий России и главные враги находятся за ее пределами, а основная проблема в том, что в силу нашей «уникальности» Запад нас не хочет понимать, либо не может понять в принципе. Потому что боится России и не хочет ее усиления. Из этого делается вывод: а) мы иные и уникальные, раз Запад нас не понимает; б) тот, кто нас не понимает, является врагом, только и ждущим, чтобы сделать России очередную пакость; в) именно из-за происков иноцивилизационного империализма, а не отечественных чиновников народ плохо живет. Поэтому надо потерпеть. И действительно, канализация социального протеста с помощью конфликтной цивилизационной риторики, национализма и патриотизма эффективно выполняет отвлекающую роль.

Вместе с тем болезненная реакция России на любое недружественное телодвижение Запада все же свидетельствует об обратном — о не менее болезненном стремлении стать Западом. Поскольку исключенность России из «западной цивилизации» на самом деле оборачивается исключенностью из миросистемы. Здесь вместо эффективного влияния на глобальные политэкономические процессы вместе с ведущими мировыми державами, обобщаемыми в понятие «западная цивилизация» (хотя между ними тоже есть немало противоречий), реализуется самоценный для российских элит конфликтный сценарий, предназначенный для внутренней повестки дня. В умах российской элиты возникает раздвоение. С одной стороны, налицо стремление войти в международные структуры ВТО, ЕС, ООН, гордость за полноправное участие в работе саммитов «большой восьмерки». С другой — старательное игнорирование того факта, что все внешнеполитические устремления России есть попытки добиться признания ее, если пользоваться цивилизационными категориями, частью «большого Запада», породившего эти международные структуры и во многом контролирующего их деятельность. При этом любой «естественный конфликт» экономических и политических интересов России с Западом, вполне разрешаемый в рабочем порядке, немедленно переводится российской элитой в плоскость неразрешимых цивилизационных противоречий, в «обиду на Запад», не способный понять Россию.

Таким образом, конфликтный сценарий, априорно задаваемый цивилизационной парадигмой, мешает России эффективно отстаивать свои национальные интересы в режиме нормального политического торга, частью которого является привычная риторика Запада о правах человека, демократии, свободе и т.д. Цивилизационные ответы в духе «умом Россию не понять» действительно все еще популярны во внутренней повестке дня, но оборачиваются провалом во внешней политике. Поскольку эффективное участие России (как и любой другой страны) в международных структурах предполагает отказ от исключительности, которая автоматически обуславливает политическую периферийность и маргинальность, в пользу всеобщности, готовности разговаривать со всеми субъектами реальной политики без сверхдержавных и цивилизационных комплексов. Необходимо предлагать не цивилизационные, а общечеловеческие сценарии и решения проблем, которые могли бы устроить все заинтересованные стороны¹. Например, российский способ решения ядерной проблемы Ирана является одним из подобных оптимальных сценариев.

В установочной статье «Мы и Запад» Ю. Лужков пишет: «Всякий разумный человек не может не признавать, что Россия — ведущая держава евроазиатского пространства... Россия объективно становится мостом между разными мировыми цивилизациями»². Но Россия — не Цивилизация. Не Евразия. Не Запад. Не Восток. Не Юг. Не Север. И уж конечно, не промежуточный мост между ними. Все эти географические метафоры лишь уводят от сути проблем, либо предлагают их архаические трактовки, игнорируя тот простой факт, что человечество в пределах капиталистической миросистемы представляет собой все более единое целое, а Россия, движимая логикой обид, собственной уникальности, комплексами величия или недооцененности, обречена находиться на ее периферии.

3. Политические дискурсы «периферийной империи»

В экономике стран, находящихся на периферии миросистемы, происходят те же процессы, что и в центральных, но с поправкой на периферийную специфику³. Если взять этот тезис в качестве исходного

¹ См.: *Мартыанов В.С.* Россия в меняющемся мире // Свободная мысль. 2007. № 6 (1577). С. 7–22.

² *Лужков Ю.* Мы и Запад // Российская газета. 15 июня 2006 г.

³ См.: *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира: Социология XXI века. М.: Логос, 2004. С. 261; см. также: *Кагарлицкий Б.* Периферийная империя: Россия и миросистема. М.: Ульга. Культура, 2005.